

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ТОМСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ПСИХОЛОГИЯ

МАТЕРИАЛЫ VII СИБИРСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА

Часть 1

Аттракторы и идентичности
человека цифровой эпохи.
Образование. Воспитание. Творчество

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2017

«СИБИРСКИЙ ГЕНОМ» КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЦИФРОВОГО НОМАДА

Д.И. Спичева

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: speecheva@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрение вопроса о «сибирском геноме» интересно с точки зрения нахождения параллелей с процессами формирования новых идентичностей цифровых номадов (кочевников). Формирование «сибирского генома» во многом предопределено не родственными связями и передачей из поколения в поколение типичных антропогенетических характеристик, а переселенческой политикой государства, в результате которой и сформировался этот особый набор социально-психологических, идейно-нравственных, этнокультурных особенностей. История формирования «генома сибиряка» поможет разобраться в отдельных аспектах развития социума сетевого информационно-коммуникативного общества и появления особой категории людей – цифровых номадов (кочевников), представители которых также не имеют общей генетической истории. В статье обосновывается гипотеза, что некоторая предрасположенность к цифровой миграции и кочевничеству «генетически» заложена у представителей определенных социальных групп, одной из таких групп являются сибиряки.

Ключевые слова: сибирский геном; цифровая идентичность; цифровой номадизм (кочевничество); образ Сибири.

Рассмотрение вопроса о «сибирском геноме» интересно с точки зрения нахождения параллелей с процессами формирования новых идентичностей цифровых номадов (кочевников). Понятие «сибирский геном» в данной статье используется метафорически, имеется в виду не столько совокупность генов, содержащихся в одностороннем наборе хромосом организма, сколько совокупность условно «наследственного» материала, определяющего менталитет и психику людей, проживающих на территории русской Сибири. Наследственный материал назван условным, поскольку формирование «сибирского генома» во многом предопределено не родственными связями и передачей из поколения в поколение типичных антропогенетических характеристик, а переселенческой политикой государства, в результате которой и сформировался особый набор социально-психологических, идейно-нравственных, этнокультурных особенностей «сибирского генома». История формирования «генома сибиряка» поможет разобраться в отдельных аспектах развития социума сетевого информационно-коммуникативного общества и появления особой категории людей – цифровых номадов (кочевников), представители которых также не имеют общей генетической истории. С каждым годом граждан цифрового электронно-коммуникативного общества становится все больше, и один из прогнозных вариантов общественного развития заключается в том, что рано или поздно абсолютному большинству людей предстоит стать временными или постоянными цифровыми кочевниками. В связи с этим рассмотрение феномена цифровой номадической идентичности становится актуальным вопросом эволюции современного общества. Можно выдвинуть гипотезу, что некоторая предрасположенность к цифровой миграции и кочевничеству «генетически» заложена у представителей определенных социальных групп, одной из таких групп являются сибиряки.

Обоснование данной гипотезы опирается на историю формирования образа Сибири в контексте ментального освоения территории переселенцами в XIX в. (Е.В. Головнева), комплексное культурологическое исследование Сибири как единого культурно-исторического феномена (Е.И. Балакина), описание особенностей региональной идентичности сибиряков и начала формирования бренда «Сибирь» (А.В. Ремнёв) и др. Базовыми для данного исследования являются труды Дж. ван Дейка о формировании онлайн-идентичности, концепция цифрового номадизма Ц. Махимото и Д. Мэннерс, научные работы И.П. Кужелевой-Саган о трансформации коммуникации в условиях цифрового кочевничества.

Ключевым элементом понятийного аппарата данной работы является представление о цифровых номадах, или кочевниках, появление которых описано в 1990-х гг. Ц. Махимото и Д. Мэннерсом. Этот новый класс сетевого информационно-коммуникативного общества характеризуется перманентной подключенностью и предельно мобильным образом жизни. Они все время меняют места своего географического присутствия, обучаются и работают онлайн. Большинство активных граждан современного информационно-коммуникативного общества в определенные промежутки времени принудительно или добровольно ведут образ жизни цифровых кочевников. Например, они становятся таковыми во время отпуска, командировки, если продолжают выполнять свои привычные должностные обязанности, чем достигается эффект их присутствия на рабочем месте. Такую категорию людей можно назвать временными цифровыми кочевниками.

Исследовательским полем выявления «сибирского генома» является сетевое пространство научных публикаций о Сибири, индексированных в РИНЦ (российский индекс научного цитирования), а также контент сайтов вузов России, на базе которых созданы центры исследования Сибири, таких как: Томский государственный университет, Сибирский федеральный университет, Европейский университет Санкт-Петербурга, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Иркутский МИОН, Институт этнологии и антропологии РАН, Инсти-

тут истории естествознания и техники РАН, Институт истории СО РАН, классические университеты Новосибирска, Алтайского края, Иркутска, Сургута и др.

Помимо работы со статистическими показателями российской базы данных научных публикаций, входящей в РИНЦ, был поставлен исследовательский эксперимент, в котором принимали участие магистранты направления «Реклама и связи с общественностью» факультета психологии Томского государственного университета. Им было дано задание метафорически охарактеризовать Сибирь и жителей этого региона, исходя из научных публикаций, представленных в Научной электронной библиотеке eLibrary, поскольку все материалы о Сибири, имеющие российский индекс научного цитирования, представлены именно здесь. Также в их задачу входил свободный поиск научных статей о Сибири с помощью простого серфинга в поисковых системах Google, Yandex, Mail. Важно было понять, какой цифровой образ Сибири и сибиряков формируется в сетевом пространстве научных коммуникаций среди целевой аудитории таких статей – студентов и магистрантов. Именно эта целевая аудитория – представители цифрового поколения, поколения будущего. И тот образ Сибири, который сформирован у них, станет определяющим ориентиром развития «сибирского генома».

Сибирский край, богатый природными ресурсами, менее освоенный и населенный (по сравнению с центральной Россией), конечно, вызывает экономический интерес со стороны бизнеса и государственных структур. На эту заинтересованность реагирует и наука – большинство научных исследований Сибири имеют естественнoнаучную направленность. По данным научной электронной библиотеки eLibrary, на сегодняшний день исследования в рамках наук о Земле, медицины, экологии, биологии, сельского, лесного, водного хозяйства, лесной и деревообрабатывающей промышленности составляют 53,5%.

Тем не менее социально-гуманитарные науки вносят существенный вклад в формирование цифрового образа Сибири и сибиряков. 28% всех проиндексированных в РИНЦ публикаций данной тематики относятся к проблемному полю философии, истории, социологии, демографии, народного образования, массовой коммуникации и менеджмента. Именно эти публикации, прежде всего, способствуют раскрытию темы данной работы.

Обоснование предположения о том, что в «геноме сибиряка» заложены гены цифровой миграции и кочевничества, начнем с описания причин и условий появления этого наследственного материала.

Наиболее часто встречающиеся метафоры, описывающие Интернет, связаны с разного рода «киберугрозами», скрывающимися в нем. В последнее время тема компьютерной безопасности все более актуализируется. Проблема безопасности Интернета связана как с угрозой воровства персональных данных, электронных денег, так и с многочисленными предостережениями относительно вреда физическому и психическому здоровью. Интернет-зависимость – один из распространенных «недугов» современного мира. Отношение к Интернету как к враждебной среде, чуждому для человека пространству продиктовано сложностью и неоднозначностью представлений об онтологии сетевого интернет-пространства. А все, что до конца непознаваемо, – вызывает опасения.

К пространству сибирского региона со времен Ермака также до сих пор настороженное отношение. Во многом оно продиктовано сложностью понимания происходящих здесь социально-общественных процессов из-за особого географического и геополитического положения Сибири. Во-первых, сложные климатические условия Сибири явились причиной формирования устойчивого образа сурового края, некомфортного для проживания. Во-вторых, место расположения Сибири относительно Китая и Юго-Восточной Азии вызывает к ней недоверчивое отношение со стороны европейской части населения из-за разницы западного и восточного менталитетов. Несмотря на многовековую историю освоения этого региона, еще в начале XX в. слово «Сибирь» не являлось административным термином и часто использовался термин «Азиатская Россия». И до сих пор еще полностью не изжил себя образ Сибири как «дикого Востока». «Уникальность положения Сибири заключается в том, что она одновременно являлась внутренней колонией и эпицентром межкультурной коммуникации с азиатской цивилизационной доминантой», – отмечает А.И. Кожухарь [5, с. 65].

Не менее часто встречается определение Интернета как пространства, стирающего культурные, географические, возрастные, религиозные и прочие границы общения между людьми. Интернет представляет собой глобальное пространство сетевой коммуникации.

Если искать параллели с какими-то офлайн-пространствами, обладающими сходными свойствами, то можно найти их в Сибири. Это мегарегион, внутри которого выстроились уникальные коммуникативные сети между древними цивилизациями и современностью, коренным населением и переселенцами. Интересно, что абсолютное большинство современных жителей Сибири не связаны ни кровными, ни культурными узами с коренными народностями, проживающими здесь с доисторического периода. Связь времен и поколений в этом регионе прерывалась неоднократно, и теперь сложно провести границу между коренным и пришлым населением. Под переселенцами в данном случае понимаются как мигранты из бывших советских республик (поток которых не прекращается по сегодняшний день), так и потомки ссыльных из центральной части имперской и советской России (которые по большей части ощущают себя коренным населением сибирской земли).

Сибирь – это место стирания языковых границ и появления особого языка межличностной коммуникации. В силу стечения на территорию Сибири людей из разных точек России с разным менталитетом, культурным укладом, привычками, они вынуждены были находить общий язык друг с другом, местным населением, ассимилироваться. В результате возникла особая конгломерация населения Сибири с отличным от всех частей России укладом, традициями, культурными сценариями жизни. На формирование языка межличностной коммуникации, безусловно, повлияли и ссыльные интеллигенты, декабристы, которые сами по себе являются крас-

норечивыми образами Сибири в пространстве научных коммуникаций. Метафора стирания границ, описывающая характер коммуникаций в Сибири, усиливается еще и тем, что, с одной стороны, это «периферия» и «далекий край». Но в то же время это место особого магнетизма, которое притягивает к себе внимание. Сибирь признают удачным местом для установления международного сотрудничества. «Сибирь должна позиционироваться как “Европа в Азии”, мост, соединяющий Европу и Америку» [6]. Причина этого в том, что в условиях санкций против России и проявления недоверия к ней со стороны зарубежных партнеров, Сибирь представляется своеобразным оазисом, географически далеким от политических перипетий, атмосфера которого благоволит зарождению и укреплению контактов с иностранными партнерами в различных сферах производства, образования, науки и культуры.

Безусловно, Сибирь является важнейшим сетевым коммуникационным узлом России, получившим название «транзитного региона», образ которого ассоциируется с электрифицированной двухпутной Транссибирской железнодорожной магистралью (так называемый «Транссиб»), а также Байкало-Амурской магистралью (БАМ) и протяженными магистральными нефте- и газопроводами.

Более того, понятие «Сибирь» далеко не сразу приобрело характер целостного культурно-исторического феномена, лингвокультурного концепта, ставшего в наши дни неотъемлемой частью национального сознания. Сибирь – это прошлая провинция, надстройка над Великой степью с нечетким представлением о своем центре, с царских времен получившая прозвище «вольница российского крестьянства». Наверное, поэтому сибирские территории до сих пор не имеют четкой иерархии в общественном сознании. «Единство как основа коллективного выживания приобрело такую фундаментальную значимость, что... к факту самой удаленности от столицы сибиряки относятся как к условию большей внутренней личностной свободы и избавления от политической конъюнктуры» [8, с. 148]. Именно потому, что интеграция территорий сибирского региона проходила не централизованно, а стихийно, без принуждения, связь этих территорий и на уровне людей, и на уровне инфраструктуры оказалась очень сильной. «Как отдаленная территория, Сибирь представлялась некоей качественной сущностью, менявшей переселявшихся сюда людей» [2, с. 216].

Эта территория как лакмусовая бумажка демонстрирует возможности самоуправления на разных уровнях. Историческая децентрализация управления территорией Сибири привела к появлению нового термина – «региональные столицы». Причем важно, что он употребляется во множественном числе. В разных контекстах роль столицы выполняет то один, то другой областной центр: Красноярск, Новосибирск, Омск, Томск и др. У каждого из перечисленных городов есть историческое, моральное или экономическое право иметь такой статус. Например, Томск часто именуется культурной и студенческой столицей Сибири, поскольку здесь самое большое число студентов на душу населения.

В этой особенности Сибирского региона также просматриваются параллели с интернет-пространством. Социальные отношения в Интернете тоже, на первый взгляд, кажутся децентрализованными, неиерархичными и даже хаотичными. Пользователи в социальных сетях могут вступать в контакты, налаживать общественные связи, невзирая ни на какие условности, связанные с социальным положением, уровнем дохода, образования и пр. Тем более они имеют возможность проектировать онлайн-идентичность, отличающуюся от ее офлайн-статуса и коммуницировать с этой своей виртуальной личностной позицией.

Похожая глобальная интеграция людей происходила и в Сибири. Надо отметить, что хотя скорость этой интеграции ниже, чем в Интернете, но сравнительно высока для подобных офлайн-процессов, происходивших в большинстве других стран и регионов. Объединению сибирских земель способствовала не только их географическая близость, но и общность условий формирования так называемого «сибирского менталитета». Несмотря на большую разницу предысторий людей, которые попадали сюда в силу разных миграционных процессов из различных уголков России (и не только), суровые условия жизни и совместно формирующийся уклад заставили людей сплотиться в одну большую группу сибиряков, запустив процесс социокультурной диверсификации. Их менталитет – это результат многовекового взаимодействия славян с тюрко-монгольскими и палеоазиатскими народами, что в итоге и сформировало особый психо- и генотип сибиряка из психологии местного этноса, жителей центральной России, осужденных за серьезные насильственные преступления, политических заключенных разного социального происхождения, высылаемых из царской России, которые появились здесь после революции 1905 г., а также евреев, поляков, украинцев, эстонцев и представителей других народов, высылаемых в Сибирь в разные исторические периоды. Многие исследователи сходятся во мнении, что в результате этих процессов теперь в Сибири живут предприимчивые, амбициозные, «сильные» люди, склонные к самоутверждению. Следовательно – это место сосредоточения незаурядных человеческих ресурсов для экономики. Многие исследователи отвечают, что люди – это главное богатство сибирского региона.

Образ жизни цифровых кочевников, их отношение к жизненному пространству кардинально отличаются от привычного оседлого общественного уклада. Подобно цифровым кочевникам, которые противопоставляют себя обычным людям, сибиряки (не будучи кочевым народом в общеупотребительном смысле) воспринимаются как отшельники. За многие годы сформировался устойчивый образ «колониальной Сибири» как территории изгоев. Ее часто называют «колонией Российской империи». «Сибирь представляет территориальную приставку к европейской России с востока, и сибирское население не могло не чувствовать, что оно живет вдали от остального русского мира» [7, с. 113]. В ту эпоху это место ассоциировалось прежде всего со ссылкой и каторгой, в советское время на этой территории строились сталинские лагеря. С той поры частью образа Сибири ста-

ла так называемая «мертвая дорога» – недостроенное заключенными железнодорожное полотно, ведущее из Салехарда в Игарку. Даже во время Второй мировой войны фашисты строили планы выдворения жителей Центральной и Восточной Европы именно в Сибирь с целью их ликвидации. Они были уверены, что в этих суровых условиях выжить невозможно. Так в условиях сложного этнического, гендерного, религиозного состава местного населения формировалась особая территориальная идентичность сибиряков, сходная в чем-то с кочевой идентичностью.

Дж. ван Дейк писал том, что публичные идентификаторы, формирование которых обусловлено интерфейсами платформ социальных сетей, изменяют, а иногда и ограничивают представления о человеке. А поскольку идентичность – это всегда результат самоидентификации и идентификации личности ее социальным окружением, то сетевая идентичность оказывает влияние на офлайн-идентичность. В отличие от среднестатистического человека, для которого базовой средой существования является офлайн-пространство, для цифрового кочевника именно онлайн-идентичность является эталонной. Если представить, что в ближайшем будущем онтология эталонной идентичности будет смещаться из офлайн в онлайн, то для многих людей состояние размытой идентичности может стать серьезной психологической или социальной проблемой, справиться с которой может тот, у кого имеются «гены» цифровых кочевников. Итоги исследования, представленные в статье, являются попыткой обоснования предположения о том, что «геном сибиряка», содержащий наследственный опыт кочевничества и миграции, появившийся в результате особых этносоциальных процессов и межэтнических отношений в сибирском регионе, наложивший отпечаток на формирование сибирской идентичности, имеет сходство с «геномом цифрового кочевника». К общим факторам формирования сибирской и цифровой номадической идентичностей можно отнести родственную или духовную принадлежность к этносу кочевых народов Сибири, психологию изгнанника, слабую иерархичность и децентрализацию социальных отношений внутри группы, способность преодоления языковых, культурных, географических, религиозных и прочих границ общения и превращения социальной общности в сетевой коммуникационный узел для контактов за пределами группы. Все эти «гены», комбинируясь в разных вариациях, создают «геном сибиряка», обладающего высокой степенью устойчивости психики и резистентной идентичностью. В условиях всемирной глобализации людей, капиталов и увеличения числа цифровых кочевников исследование похожих процессов, происходивших ранее офлайн, например на территории Сибири, поможет делать более четкие прогнозы развития глобального общества в целом. Знание об этом не только поможет установить культурные и ментальные основания сходства сибиряков как потомков реальных мигрантов и кочевников с цифровым поколением будущего, но и будет способствовать сближению научных интересов и появлению мультидисциплинарных исследований на стыке истории, психологии, социологии, философии, этнографии и других научных дисциплин.

Литература

1. Балакина Е.И. Проблемы исследования саморазвития культуры Сибири в контексте нелинейной картины мира // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 5 (54). С. 484–486.
2. Головнева Е.В. Формирование образа Сибири в процессе ее колонизации // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 4. С. 211–220.
3. Жигунова М.А., Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Сибирский ракурс региональной идентичности // Национальные приоритеты России. 2014. № 2 (12). С. 48–62.
4. Иноземцев В. Контингент Сибирь // Независимая газета. 2012. URL: http://www.ng.ru/ideas/2012-11-02/5_siberia.html
5. Кожухарь А.И. Значение и особенности диалога России с востоком через Сибирь в историко-культурной перспективе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 4. С. 64–67.
6. Кужелева-Саган И.П. Коммуникации в условиях цифрового кочевничества // Коммуникация как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов. М., 2015. С. 177–187.
7. Ремнёв А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2011. № 3 (62). С. 109–128.
8. Турбовский Я.С. Сибирь и Украина в одном лице // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 1. С. 139–152.
9. van Dijck J. 'You have one identity': performing the self on Facebook and LinkedIn // Media, Culture & Society. 2013. № 2 (35). P. 199–215.
10. Makimoto Ts., Manners D. Digital Nomad. John Wiley & Sons Ltd, Baffins Lane, Chichester, West Sussex PO19 1UD, England, 1997. 256 с.

'SIBERIAN GENOM' AS A FACTOR OF CONSTRUCTING IDENTITY OF A DIGITAL NOMAD

Spicheva D.I., PhD, associate professor, department of social communication, Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: speecheva@rambler.ru

Abstract. The article deals with the issue of 'Siberian genome', which is considered a metaphorical concept and is similar to constructing the new identity of digital nomads. The appearance of Siberian genome is conditioned to a greater extent not by people's family likeness and anthropogenetic characteristics but by the government resettlement policy, which is responsible for social, psychological, ideological, ethical, ethnographic and cultural characteristics of Siberian residents. The history of Siberian genome can help understand some aspects of the development of the network society and appearance of digital nomads who do not also have a shared genetic history. The article gives some evidence to support the hypothesis that certain social groups have predisposition to digital migration and nomadism; one of these groups is Siberian people. The results of the research show that Siberian genome, con-

taining some hereditary experience of nomadism and migration acquired as a result of some ethnic and social processes and interethnic relations in Siberia, has influenced the process of constructing the Siberian identity and has similarities with the 'genome of digital nomads'. The common factors of constructing Siberian and nomadic identity are kinship and spiritual belonging to the ethnicity of nomadic peoples of Siberia; the psychology of an outcast; a weak hierarchical pattern and decentralization of social relations inside the group; ability to overcome the linguistic, cultural, geographic, religious and other boundaries of communication and transformation of the social community into the network communication hub for contacting people not belonging to this social group. All these 'genes' combined in different variations create the Siberian genome that possesses high mental stability and resistant identity. In the conditions of worldwide globalization of people and capitals, and the increasing number of digital nomads, researching similar processes that have already taken place off-line on the territory of Siberia, for example, can allow making more exact predictions about the development of the global society in general.

Keywords: Siberian genome; digital identity; digital nomadism; image of Siberia.

УДК 159.9.07

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО КОНТРОЛЯ И ТРЕВОЖНОСТИ ПЕДАГОГОВ С РАЗНЫМИ СТРАТЕГИЯМИ СМЫСЛОПЕРЕДАЧИ

Е.А. Суроедова

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: suroedova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности проявления тревожности и контроля у педагогов с разными стратегиями смыслопередачи в общении. В ходе исследования было выявлено, что исследуемые с эмоционально-доминирующей стратегией смыслопередачи значительно отличаются от педагогов с другими стратегиями более низким проявлением тревожности и высокими показателями коммуникативного контроля в общении.

Ключевые слова: смыслопередача; коммуникативный контроль; тревожность; стратегия смыслопередачи; педагоги.

Проблема коммуникации и общения во все времена была актуальной и представляла большой интерес для исследователей гуманитарных наук, философов и социологов. Сегодня особенно остро стоит вопрос о эффективности и продуктивности взаимодействия учащегося и педагога. Современный учитель не просто должен передать знания ученикам, а максимально раскрыть многомерность знания, его смысл, ценность и значение. И, как отмечают А.Г. Асмолов, И.В. Абакумова, П.Н. Ермаков, Л.Ц. Кагермазова, основной функцией образования должна стать смыслообразующая [1]. Однако если проблема смыслообразования и направленной трансляции активно исследуется психологами, то вопрос о способах смыслопередачи пока остается открытым. А.К. Белоусова, исследуя совместную мыслительную деятельность учащихся и студентов, отметила особую роль функции смыслопередачи [2]. Дальнейшие исследования процесса смыслопередачи позволили установить способы трансляции смыслов – стратегии смыслопередачи [3, 4]. В научном психологическом пространстве практически отсутствуют исследования механизмов смыслопередачи, личностных качеств, индивидуальных свойств, особенностей мышления у педагогов с разными стратегиями смыслопередачи. Недостаточная изученность данной проблемы определила актуальность исследования особенностей коммуникативного контроля и тревожности педагогов с разными стратегиями смыслопередачи.

Цель исследования: исследовать особенности коммуникативного контроля и тревожности педагогов с разными стратегиями смыслопередачи.

Предмет исследования: особенности коммуникативного контроля и тревожности педагогов с разными стратегиями смыслопередачи.

Объект исследования: педагоги (учителя младших и старших классов СОШ, воспитатели МДОУ), всего 60 человек (51 женщина и 9 мужчин).

Гипотезы исследования. Существуют различия в коммуникативном контроле и тревожности у педагогов с разными стратегиями смыслопередачи.

Методы исследования. Для решения поставленных задач в работе использовались как теоретические, так и эмпирические методы исследования: обзорно-аналитический, включающий теоретический анализ психологической литературы по изучаемой теме; психодиагностический; методы математико-статистической обработки. В исследовании применялись следующие методики: «Диагностика коммуникативного контроля» М. Снайдера; «Карта контроля состояния речи» Р. Эриксона; «Стратегии смыслопередачи» Е.А. Суроедовой.

Надежность и достоверность результатов исследования обеспечивается методологической и теоретической обоснованностью работы, использованием методов, адекватных сущности изучаемых явлений, цели и задачам исследования, эмпирической проверкой гипотез, количественным (с применением методов математической статистики) и качественным анализом эмпирического материала.

Математическая обработка данных проводилась с помощью U-критерия Манна-Уитни с использованием пакета статистической обработки данных SPSS 20.